

V. Новые народные стишки.

Изъ деревенскихъ замѣтокъ.

I.

...Сегодня первый день «Свѣтлой недѣли» — Свѣтлое Воскресенье. И точно, есть въ этомъ свѣтломъ днѣ что-то поистинѣ «свѣтлое». Вчера еще, въ страстную субботу, т.-е. за нѣсколько часовъ до «Свѣтлаго дня», на деревнѣ, на всемъ обиходѣ ея жизни, на всѣхъ ея обывателяхъ отражались еще темныя, суровыя, скучныя тѣни зимняго времени, зимняго прозябанія; даже и предпраздничныя хлопоты не убавили темноты этихъ зимнихъ тѣней. — «Бери полъ-теленка!» — слышится краткая рѣчь обывателя, сказанная дѣловымъ, сухимъ тономъ. — «Ну-к-што-жь!» — такимъ же дѣловымъ тономъ отвѣчаетъ другой обыватель, и оба молча идутъ по грязи улицы, по грязи двора, прямо въ грязнѣйшій хлѣвъ, и здѣсь молча прерываютъ ножомъ юный звукъ юнаго телячьяго баритона, свидѣтельствующаго о томъ, что давно бы бабѣ надобно принести юнцу молока. Звукъ прерванъ сразу, перерѣзанъ какъ нитка, и опять изъ хлѣва слышатся суровые звуки. — «Два пуда пятнадцать...» — «Ну-к-што-жь!» Четырьмя лапами дерутъ молчаливые обыватели шкуру, теребятъ нутро, гвоздятъ топоромъ въ телячью спинную кость и, сказавъ другъ другу: «прощай», волокутъ на плечахъ каждый къ своей бабѣ по полугѣла невинно убиенныхъ телятъ. А когда они волокутъ телятъ, откуда-то отъ сосѣдей слышенъ неистовый, истерическій вопль свиньи. Но и этотъ вопль вдругъ прекратился въ мертвомъ молчаніи деревенской улицы, и слышится опять тотъ же звукъ, доказывающій, что и надъ свиньей орудуютъ ужъ топоромъ. Молчаніе въ это время всеобщее, работа черная, грязная; молчатъ мужики, молча неистовствуютъ грязныя съ головы до ногъ бабы въ океанѣ накопленной за зиму грязи, которую надо всю истребить къ

Свѣтлому дню. Позднею ночью плетутся обыватели изъ жаркихъ бань въ еще болѣе жаркія избы: нахнетъ здѣсь сырымъ горячимъ поломъ, горячимъ хлѣбомъ, горячимъ мясомъ. Еле-еле дотягиваютъ до заутрени.

Но вотъ и утро Свѣтлаго дня. День ясный и тихій, и опять тишина на дворѣ и на улицѣ, но уже не та суровая тишина, что вчера: отдыхаютъ люди отъ зимы, отъ поста, отъ хлопотъ и отъ розговень. Вѣтъ началомъ полевого весенняго труда, дѣло идетъ къ веснѣ, къ травкѣ, къ зелени древесной. «Святая!»—покончено, стало-быть, съ зимой, съ сугробами, вьюгами, гололедицей. Начинается новая жизнь, и ужъ измѣны въ ней къ худому и къ суровому не будетъ. Тихо и пустынно въ деревнѣ, пока не отойдетъ поздняя обѣдня; да и послѣ поздней обѣдни народъ расходится молча, поспать еще тянетъ cadaго. По къ часу дня посреди дороги идетъ уже «гостить» въ сосѣдную деревню молодой парень; онъ, конечно, въ пиджакѣ, въ высокихъ сапогахъ и съ гармоніей, которою открываетъ сезонъ мясоѣда. Онъ только тронулъ, перебралъ, сдѣлалъ два-три «перебора», главнымъ образомъ на басахъ, и явно для всѣхъ такимъ образомъ засвидѣтельствовалъ, что сезонъ весенній начался.

А скоро вслѣдъ за звукомъ гармоніи, какъ и всегда, невѣдомо откуда доносятся звуки дѣвичьихъ пѣсень. Откуда они? Никогда не угадаешь. Но они всегда одни и тѣ же, они вѣковѣчны въ своей пріятнѣйшей гармоніи и милы именно тѣмъ, что вѣчны, неизмѣнны; невѣдомо откуда несутся, но всегда доносятъ вѣковѣчную радость жить на свѣтѣ. Чего-чего ни пережито этой деревней, хотя бы въ эту зиму? И холодъ, и всякій недостатокъ, и хворь, и домашняя, семейная вражда: были случаи, опивались люди, замерзали, было убійство; были случаи, что человѣкъ разорился, другой сгорѣлъ; были неприятности изъ-за податей, изъ-за долговъ кулакамъ; были горькія слезы, когда миленькихъ дружковъ въ солдаты гнали, отчего изъ восьми невѣсть, вполнѣ увѣренныхъ, что прошлымъ мясоѣдомъ онѣ уже будутъ замужемъ, только двѣ пристроились, да и то одна черезъ мѣсяць, вся избитая, воротилась къ родителямъ. Горя, нужды, тоски, холода, голода, слезъ, злобы—тъма! Но вотъ несутся же эти животворные, вѣчные, неизмѣнные звуки, несутся они какъ звуки пѣсни жаворонка. Неизмѣнна эта пѣсня сначала для малаго ребенка, потомъ для молодого парня и наконецъ для старика. Человѣкъ

былъ ребенкомъ—сталь старикомъ, а жаворонокъ все тотъ же: все такъ же спрячется въ солнечномъ лучѣ, въ глубинѣ свѣтлаго воздуха, и поетъ все ту же, вѣковѣчно неизмѣнную, радостную пѣсню. И народная пѣсня такая же вѣковѣчно неизмѣнная, и она говоритъ только о неугасимой, несокрушимой силѣ жизни, напоминаетъ только эту радость жить, звучитъ никогда не старѣющимъ, вѣчно и неизмѣнно юнымъ звукомъ.

Конечно, если разыскать этотъ хоръ и подойти къ нему поближе да послушать, какъ «визжать» эти измучившіяся за зиму и приготавлиющіяся мучиться лѣтомъ крестьянскія дѣвушки,—то, можетъ-быть, впечатлѣніе было бы и другое; но я говорю именно о наилучшемъ впечатлѣніи, которое производятъ эти дѣвичьи хоры. Трогали меня и прежде эти невѣдомо откуда доносящіеся отрадныя, вѣчно неизмѣнные и вѣчно цѣлебныя, животворящіе звуки; но въ тотъ Свѣтлый день, о которомъ теперь идетъ рѣчь, они какъ-то особенно сильно взяли меня за живое.—«Вѣдь не угасаетъ жизнь-то!—подумалось мнѣ.—Неизмѣнно живетъ живая душа!» Горя много знавалъ я—и своего и чужого; много знали мы, деревенскіе обыватели, всякихъ мученій отъ суеты суетъ. Не отдохнуть ли хоть немножко въ этой музыкѣ народной пѣсни, гдѣ и горе-то облечено въ такую форму выраженія, которая оживляетъ сердце ощущеніемъ радости «вѣчной жизни»?

Подъ такимъ впечатлѣніемъ я и задумалъ пересмотрѣть разныя тетрадки съ новыми народными стишками, въ разныя времена доставленными мнѣ кой-къмъ изъ моихъ пріятелей или по моей просьбѣ записанными самими крестьянами, и извлечь изъ нихъ все, что хоть мало-мальски можетъ дать понятіе, о чемъ *теперь* поетъ народъ? Точнаго и обстоятельнаго отвѣта на этотъ большой вопросъ въ этой замѣткѣ никонимъ образомъ быть не можетъ: и матеріала у меня немного, весь онъ къ тому же состоитъ изъ лоскутковъ и клочковъ, и относится онъ частью къ одной мѣстности, а частью взятъ изъ такихъ условій народной жизни южныхъ губерній, которыя съ нашими сѣверными мѣстами не имѣютъ ровно ничего общаго.

II.

Какой-нибудь новой *тѣмѣ*, которая бы вышла непосредственно изъ земледѣльческой среды, я не слышалъ, и въ тетрадкахъ, гдѣ записано то, что поется народомъ, нѣтъ

ничего, что бы имѣло законченную форму. Поэты, выходящіе изъ крестьянской среды (такіе поэты есть, и объ одномъ изъ нихъ я расскажу ниже), хотя уже и могутъ, благодаря знанію грамоты, изложить свои сочиненія письменно, но большею частью они уже тронуты какими-нибудь посторонними крестьянской жизни вліяніями, почему въ ихъ произведеніяхъ иногда высказываются самыя, какъ говорится, «превратныя» понятія о хорошихъ и худыхъ явленіяхъ жизни.

Какъ-то зимой, рано утромъ, явился ко мнѣ въ Петербургъ одинъ изъ такихъ поэтовъ, разузнавъ предварительно мой адресъ въ деревнѣ. Это былъ крестьянинъ лѣтъ 32—35, одѣтый по-приказчицѣ, съ мелкими завитками бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и въ бородѣ, человекъ нервный, сіявшій какимъ-то внутреннимъ возбужденіемъ, и, съ первыхъ же словъ знакомства, немедленно приступилъ къ чтенію своихъ стиховъ. Онъ читалъ ихъ быстро, что называется—бормоталъ, тискалъ одно слово въ другое, такъ что я не разъ просилъ его говорить порѣже. Было чрезвычайно необыкновенно видѣть этого мужика, который, въ 7 часовъ утра, читаетъ мнѣ поэму собственнаго сочиненія о своей жизни.

Онъ женился молодымъ мальчикомъ на красавицѣ и жилъ съ ней по-крестьянски года два. Въ это время одинъ баринъ какого-то разорявшагося и угасавшаго рода влюбился въ сестру своего бывшего двороваго; братъ этой сестры сталъ вытягивать изъ барина черезъ нее деньги, сталъ наживаться и скоро вышелъ въ купцы, выстроилъ заводъ да и влюбился въ жену нашего поэта. Ароматъ денегъ и наживы тогда только-что начиналъ ощущаться въ деревенской атмосферѣ и сильно шекоталъ непривычное къ нему обоняніе мужиковъ и бабъ. Жена поэта недолго думала, ушла отъ мужа и въ теченіе восьми лѣтъ, въ свою очередь, сумѣла въ конецъ разорить новоявленнаго купца-заводчика; оба они въ теченіе восьми лѣтъ только кутили и гуляли, и догулялись до того, что къ концу восьми лѣтъ мужъ бѣглянки видалъ ее вмѣстѣ съ любовникомъ въ городѣ пьяныхъ, оборванныхъ, валяющихся въ грязи. Но, истощивъ средства своего друга, баба наконецъ ушла отъ него, скрылась, пропала неизвѣстно куда. Черезъ пять лѣтъ мужъ, уже хлопотавшій о разводѣ, узнаетъ, что жена его живетъ въ Петербургѣ на хорошемъ мѣстѣ, получаетъ хорошее жалованье и ведетъ себя такъ, что лучше и не

надо. Онъ разыскалъ ее, разыскалъ не болѣе четырехъ дней передъ тѣмъ, какъ придти ко мнѣ, и вотъ почему, придя ко мнѣ, былъ въ нервномъ, возбужденномъ состояніи. Онъ опять сошелся съ женой, нашелъ, что она хорошая женщина, что ее надобно простить, потому что и самъ онъ предъ ней, за эти 13 лѣтъ разлуки, былъ «оченно виновенъ», хотя тотчасъ послѣ того, какъ она сбѣжала, ходилъ въ монастырь и совѣтовался съ монахами: «какъ ему жить одному?» Года три исполнялъ онъ совѣты монаховъ, а потомъ и погибъ. Очевидно было, что онъ переживалъ очень трогательныя минуты или, по крайней мѣрѣ, очень многосложныя. Между прочимъ, онъ сказалъ и про жену:

— Вотъ ужъ четвертый день живемъ, слава Богу! И даже вотъ какая стала: я ей все стихи сказываю, а она говоритъ: «что ты, говорить, про божественное чего-нибудь мнѣ не скажешь?» Вотъ какая стала!

И, немножечко помолчавъ, прибавилъ:

— Ну, и состояніе дѣйствительно имѣетъ!

Зашла рѣчь о любовницѣ барина,* куда она дѣвалась?

— А замужъ вышла, какъ баринъ-то всего рѣшился.

— Да развѣ ничего, что она «такая» была?

— Такъ вѣдь лучше съ «состояніемъ» взять, чѣмъ безъ состоянія.

Какія-то тлетворныя вліянія, очевидно, испортили его простые взгляды на жизнь. И точно, въ промежутокъ тринадцати лѣтъ разлуки съ женой онъ не все жилъ въ деревнѣ; одинъ разъ занялся на сыроваренномъ заводѣ, но когда завелъ это дѣло въ своемъ хозяйствѣ, то отецъ избилъ его въ пьяномъ видѣ по совѣту завистниковъ выгодному дѣлу — сосѣдей. Потомъ онъ ушелъ въ контору къ какому-то кушцу и жилъ тамъ въ большомъ привольѣ. О кушцѣ этомъ онъ написалъ цѣлое хвалебное стихотвореніе, которое также ставить втуникъ всякаго здравомыслящаго человѣка. Купецъ этотъ былъ такъ-называемаго «рыковского» тина, расширялъ, улучшалъ и оживлялъ мѣстность, а потомъ оказался на «скамьѣ». И этого маленькаго Рыкова превознесъ народный поэтъ.

— Не онъ одинъ виноватъ! Однако все на одного себя принялъ, никого не выдалъ! Далъ людямъ округъ себя нажитья.

Вотъ его взгляды на старья и новья времена:

Прежде плохо дѣды жили	Кто котельщикъ, кто столяръ,
Тѣмъ, что барину служили,	Кто сапожникъ, кто маляръ,
А теперь пришла свобода—	Или шорникъ, иль печникъ,
<i>Ходимъ въ школу по три года,</i>	Иль косульный уставщикъ,
И изъ нашихъ молодцовъ	Тотъ извозчикъ иль подрядчикъ,
Много стало мастеровъ:	Тотъ приказчикъ иль нарядчикъ.

Вотъ какъ стало хорошо! А вотъ небольшой стишокъ, уже безъ всякихъ «предвзятыхъ идей»:

Цвѣтъ лазоревый люблю,—	Садъ зеленый разсажу,
Въ свѣтъ нѣтъ его милѣй!	Весь березкамъ уставлю,—
Я подруженькѣ срублю	Съ милой рядомъ посижу,
Нову горенку тебѣй,	А немилыхъ всѣхъ оставлю!..

Ну, какъ, читатель?
Погодите, то ли еще будетъ!

III.

Въ народной жизни, какъ и въ жизни «общества», переживается, несомнѣнно, время «переходное». Всѣ «новости» современной деревни, перечисленные поэтомъ («Прежде плохо дѣды жили»), даютъ возможность понять, почему деревня не можетъ еще, какъ говорится, собраться «съ умомъ», окрѣпнуть въ опредѣленныхъ взглядахъ на собственное существованіе и судить, во имя ихъ, обо всемъ окружающемъ. Поколеблена поэтому же и творческая мысль народа, но что она живетъ непрестанно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Не изъ чего собрать и сложить народу пѣсню, но сочинить «стишокъ», откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и «утерпѣть» нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ-называемую «частушку», то-есть «кунлетъ» (слово въ слово), и этими «частушками» откликается на каждую малость жизни. Три тетради этихъ «частушекъ», находящихся въ моихъ рукахъ, всего около 200 №№, всѣ записаны въ деревняхъ *), находящихся въ весьма недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, и въ каждой изъ этихъ тетрадей встрѣчается не болѣе трехъ или четырехъ повтореній одной и той же «частушки», и то неизмѣнно съ какою-нибудь мѣстною особенностью.

Но 200 №№ «частушекъ», положительно, капля въ морѣ въ томъ несмѣтномъ количествѣ произведеній народного

*) Новгородской губ.

сочинительства въ этомъ родѣ, которое невѣдомымъ путемъ создается невѣдомыми поэтами чуть не каждый Божій день и непремѣнно въ каждой деревнѣ. Собрать эти «частушки» съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа. Ничего подобнаго читатель не найдетъ въ этой запискѣ, но все-таки онъ почувствуетъ свѣжесть и молодость народной души.

Нѣкоторыя изъ «частушекъ» носятъ совершенно опредѣленный характеръ женскаго и мужскаго «сочиненія», напр.:

Неужели ты завянешь,
Ленькій цвѣтокъ?

Неужели не вспомнешь,
Миленькій дружокъ?

Это женская «частушка». Та же «частушка» сказывается мужчиной такъ:

Неужели ты завянешь,
Травушка шелковая?

Неужели не вспомнешь,
Дарья безтолковая?

Или—мужская также «частушка»:

Ай да, ай да!
Моя мила молодая!
Молодая годочкомъ,

Глупая умочкомъ.
Молодая, не старая,
Самоварчикъ ставила...

Нѣчто «мужиковатое» видно иной разъ и въ любовной «частушкѣ» мужскаго сочиненія:

Гдѣ ты, милый, хорошая,
Лазоревый цвѣтокъ?

За тебя, моя пригожая,
Подрались мы разока.

Въ женскихъ «частушкахъ» такихъ неуклюжихъ напоминаній о любви нѣтъ. Но о мести изъ-за любви и женская «частушка» также не церемонится въ выраженіяхъ:

Кабы знала негодяя,
Не любила бы его,—

Посередь синѣва моря
Затопила бы его!

Вообще же темы, которыхъ касаются мужскія и женскія «частушки», почти одинаковы, хотя женскія имѣютъ то преимущество предъ мужскими, что рисуютъ множество женскихъ типовъ всякаго качества.

Вотъ труженицы:

Дождь пойдетъ, сѣнцо обмочить,
Будетъ маменька ругать,—
Помоги-ка, мой хорошій,
Мнѣ зароденъ дومتать.

Кабы знала бѣдна дѣвушка,
Гдѣ ей замужемъ бывать,
Помогла бы злой свекровушкѣ
Хоть капусту поливать.

Отношеніе къ матери:

Ужъ ты, миленькій ты мой,
Ловкая ухватка!
За тебя не забранить
И родная матка!

Матка встрѣтитъ и проводитъ,
И въ окошко поглядитъ.

Хорошо тому гулять,
У кого родная мать:

Ты, мамаша золотая,
Не брани за молодца.
Если будешь ты бранить—
Буду крадучи любить.

А теперь пойдетъ любовь и хорошая и нехорошая:

Мой-отъ миленькій работаетъ въ
лѣсу

Неужели я достанусь
Разнесчастному вдовцу?

Напеку ему рогулекъ, отнесу.
Все бы, все бы во елочкахъ стояла,
Все бы, все бы въ ту сторону
глядѣла,—

Мой дружокъ женится—
Вся жизнь перемѣнится!
А какъ обвѣнчается—
Вся любовь кончается!

Мой онъ миленькій, онъ чернень-
кій,
Хоть и черненькій, печальненькій!

Кабы знала, не ломала
Вишенья не вырѣвши;
Кабы знала, не любила
Милаго, не вызнавши.

Провожала я до рѣчки,
Слезъ не оказала,—
За баскаковскимъ лѣскомъ
Залилася голоскомъ.

Погляжу я съ моста въ рѣчку:
Въ рѣчкѣ темная вода;
По глазамъ милова видно,
Что обманывалъ меня!

Милый мой, милый мой!
Милый—вѣры не одной!
Вѣрой—милый—старовѣры!
Старовѣрочкѣ любой!

По чужимъ я разговорамъ—
Брошу милаго любить;
По ретивому сердечку—
Мнѣ вовѣки не забыть.

Неужели надоѣла
Своей матери-отцу?

Но есть типъ дѣвичій и посмѣлѣй тѣхъ скромныхъ и
огорченныхъ, которыя видны въ приведенныхъ «частушкахъ»:

Своего я милова
Из артели *выбрала*,
Очень просто выбирать—
Онъ ловчѣе всѣхъ ребятъ.

Всю я ночь не спала,
Все въ окно глядѣла.

Что-жъ ты, милый, не пришелъ,
Я тебѣ *вельма*?

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
На бесѣдѣ я была;
Я хорошаго миленка
Во любовь себѣ *взяла*.
Можно радостно назвать:

Онъ хорошъ собой и статея,
Очень ловокъ на словахъ.
Я съ нимъ долго танцовала,
Онъ мнѣ руку крѣико жаль,

Вотъ еще изъ смѣлыхъ:

Для чего мнѣ заходить,
Милый, за тобою?
Для чего мнѣ приносить

Но есть въ «частушкахъ» и еще болѣе смѣлые тины дѣвушекъ:

Батька рожь молотилъ,
Я подворовала—
Понемножку, по лукошку,
Все милому на гармонку.

Батькѣ сдѣлаю бѣду—
Самоходочкой уйду!
По-за тыну, по за тыну,

Есть и застѣнчивая:

Не ходи, милаша, на-домъ.
Не садись со мною рядомъ;

Есть и такія:

—«Право, ноженька болѣла,
Я прихрамывала!»
(Сама Лешеньку, Алешечку
Обманывала!).

А вотъ и совсѣмъ *грѣшница*:

Провожала дружка милаго
Я до города Кирилова,
До канавы Белозерскія,
До большой ли что дороженьки,—
Иструдила свои ноженьки!
Ахъ! Милашѣ покорилась...

Я руки не отнимала.
И въ лицѣ явился жаръ...
Вышла въ сѣни *простудиться*,
Чтобы жаръ съ лица сошелъ.

Дороги подарки?
Вольму милаго за ручку
И пойду съ нимъ въ хороводъ.

По-за дядину овину,
По-за нашему двору,
Самоходочкой уйду!

Не даешь мнѣ, мама, волн,—
Улечу какъ пташка въ поле:
Не увидишь отъ крыльца,
Какъ пройду отъ вѣнца...

Сядь къ подружкѣ, не ко мнѣ:
Все она расскажетъ мнѣ.

Я жсблала Петю лѣтомъ,
Петя бѣгалъ все съ конфетомъ...
А ужъ Ванюшку зимой...
Чтобъ не сѣлъ со мной другой.

До Череповца въ погонюшку
гналась.
Было лѣсомъ идти боязно,
Деревьями идти совѣстно,
А по задворкамъ—собаки злы,
По заполью—такъ ребята удалы...

Такъ и неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта погоня несчастной женщины.

«Частушка» не пропускаетъ безъ отмѣтки ни одно новое лицо, появившееся въ деревнѣ. Пришелъ солдатъ, сыроваръ,—о каждомъ сейчасъ же сочинена «частушка»; есть поэтому «частушки», гдѣ фигурируетъ и сельскій учитель.

Я учителю два слова—
Не учить до Покрова,
Дай повыстрочить платокъ,
А потомъ учи годокъ.

Желанные родители,
Пошли гулять учителя,
Не буду кофій разливать,
Пойду съ учителемъ гулять.

Обо всѣхъ этихъ мужскихъ и женскихъ отношеніяхъ горькій опытъ не дѣвнчей, а уже *бабьей* жизни поетъ невеселыя пѣсни:

Охъ, не рвитесь вы, дѣвцы,
Замужъ скоро выходить!
Вы не вѣрите молодцамъ,
Хоть и божатся.
Они божатся, клянутся,
Отойдутъ,—п засмѣются.
Послѣ смѣху позабудутъ,
Васъ совсѣмъ любить не будутъ.

Навизались супостаты,
Холосты ребята;
Мимо дѣвушекъ идутъ—
Шляпы не снимаютъ;
Возлѣ дѣвушекъ сидятъ—
Неучливо говорятъ...

Есть еще среди крестьянскаго населенія особый классъ деревенскихъ жителей, которые чувствуютъ себя чуждыми въ деревнѣ и вполнѣ одинокими. Въ Новгородской губ. повсюду можно встрѣтить питомцевъ воспитательнаго дома, сиротъ, брошенныхъ дѣтей. «Частушки», которыя и они, питомцы, сочиняютъ о самихъ себѣ, замѣтно отличаются отъ общаго, любовнаго тона всѣхъ «частушекъ» осѣдлой деревенской молодежи:

Наши матки, дурочки,
Насъ бросали въ улочки;
Спасибо добрымъ людямъ—
Вскормили бѣлымъ грудямъ!

Словно къ матери родной.
Нѣтъ! Матушка не родная,
Похлебка все холодная.
Породи́ло бы была,
Погорачѣй бы налила!

Сиротника бѣдный
Присталъ къ дѣвушкѣ одной,

Всѣ «частушки», которыя я привелъ въ этой замѣткѣ, заимствованы мною почти исключительно изъ произведеній женскаго ума; мужскихъ «частушекъ» я почти не приво-
дилъ здѣсь.

IV.

Если нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ затрудняется новизнами собственной своей теперешней жизни и не можетъ разобраться въ мысляхъ относительно настоящаго и будущаго, то крестьянинъ «рабочій», крестьянинъ, оторванный отъ деревни фабрикой, заводомъ, шахтой, напротивъ, уже давно вполнѣ опредѣлилъ свое положеніе, свое настоящее, свое будущее, и уже сознательно не можетъ даже и мечтать о какомъ бы то ни было измѣненіи въ своемъ положеніи.

Крестьянинъ все еще пытается истолковать разныя новинки времени непремѣнно въ собственную пользу. Объявлять законъ о *лѣсо-охраненіи*, онъ моментально принимается за *лѣсо-истребленіе*. Почему это? Потому, что тогда, послѣ

опустошенія, къ мужикамъ *должны* отойти все лѣса, какіе только есть. Часто измѣняются рисунки бумажныхъ денегъ, — сегодня однѣ, завтра другія, — и опять мужикъ знаетъ уже, зачѣмъ это дѣлается: для разныхъ людей будутъ и деньги разныя, — для мужиковъ однѣ, для свреевъ другія, а для куицовъ третьи. Каждый живи только на свои деньги; тогда «арендатель» можетъ и тысячи рублей совать мужику, но «арендательскія» деньги для мужика все равно, что щепки. Посуется-посуется «арендатель», не найдетъ рабочихъ, и «долженъ пронасть», а земля «сама собой» къ мужикамъ поступитъ, потому они и безъ денегъ знаютъ, что съ ней дѣлать *).

Ничего подобнаго не можетъ придти въ голову *рабочему* человѣку. Онъ твердо знаетъ, что жизнь его отъ юныхъ дней и до могилы будетъ только растрачиваться, безъ малѣйшей для него личной надобности, съ самою математическою точностью; растащатъ ее, расщиплютъ фабрики, заводы, шахты, по часамъ, по звонкамъ, по свисткамъ, а не зря, не «дуромъ», не какъ-нибудь. Знаетъ онъ, что этотъ унылый и угрожающій свистъ заводскаго свистка въ темную ночь, до зари и до заутрени, растревожитъ его и подниметъ на усталыя ноги.

Знаетъ онъ, что и сонный вскочитъ онъ на этотъ свистъ, и сонный станеть у станка, и сонный полѣзетъ въ темную, сырую шахту. Знаетъ онъ и то, что вовѣки не вылѣзтъ ему изъ этой шахты, вовѣки не уйти отъ станка, если только случай, какой-нибудь годъ необычайнаго урожая, который вдругъ поправитъ его семью на полгода, не дастъ ему возможности провести эти полгода «округъ» разореннаго

---

*) До чего въ старикахъ-крестьянахъ вкоренились несбыточные слухи о землѣ, могутъ служить два сообщенія о тѣхъ же самыхъ слухахъ въ «Сельскій Вѣстникъ» (№№ 44—45) настоящаго (90 г.) «съ юга и съ-вера Россіи. Изъ Лысенскаго завода, Пермской губ., мастеровой Шиборшина сообщается, что гр. Шуваловъ предлагаетъ заводскимъ крестьянамъ покупать у него землю по 13 руб. за десятину. «Ее покупаютъ охотно», но не все общественники; многіе изъ нихъ *внимаютъ разнымъ* толкамъ, распускаемымъ ничего не понимающими людьми, о томъ, что земля отберется и отдастся имъ даромъ». Второе сообщеніе изъ Кубанской области, Новощербинской станицы. «Родственники рабочихъ, зашедшихъ на заработки въ нашу область, пишутъ, чтобы они *не занимались на зиму, а шли домой*, такъ какъ вся земля переходитъ во владѣніе крестьянъ». Г. Гудай, сообщающій объ этомъ ложномъ слухѣ, проситъ ред. «С. В.» разъяснить народу бессмысленность такихъ слуховъ. Редакція точными указаніями на законоположенія опровергаетъ эти ложные слухи.

домнишка. Положеніе *рабочаго* такъ опредѣленно, что ему о немъ нѣтъ никакой возможности «раздумывать», и вотъ почему «пѣсни рабочихъ» въ точности и полной опредѣленности изображаютъ ихъ подлинное положеніе, а не мелкія подробности жизни, что мы видимъ въ «частушкахъ».

Въ рукахъ моихъ находится нѣсколько пѣсень *рабочихъ* въ шахтахъ, полученныхъ *) съ Юга и Екатеринославской губерніи. Хотя и смыслъ ихъ и условія мѣстности вовсе не напоминаютъ ни въ чемъ нашихъ новгородскихъ «частушекъ», но, разъ дѣло зашло о народной пѣснѣ, пусть читатель узнаетъ кое-что и о томъ, что думаетъ рабочий человѣкъ и какъ онъ живетъ.

Вотъ рабочий день шахтера.

На Дону открыли знаменитыя залежи антрацита и тотчасъ же принялись за разработку.

Тамъ прорыты ямы, норы,
Тамъ работаютъ шахтеры.
Одна яма тамъ такая
Огромная, большая,—
Сорокъ сажень глубины,
Три аршина ширины.
Сверху зданія большія,
Тамъ машины паровыя
И канаты дрягяные.
Въ нихъ проведенъ тамъ шнурокъ.

Наверху виситъ звонокъ;
Только дернешь за шнурокъ,
Сверху ударитъ молотокъ,
Верховой даетъ свистокъ.

Описывается и гибель шахтера, котораго слишкомъ второпяхъ тащатъ въ шахту. Садясь въ бадью,

Съ бѣлымъ свѣтомъ онъ простился:
«Прощай, солнце, прощай, мѣсяцъ,
Прощай, бѣлая заря!

Не успѣлъ онъ просвистать,—
Накопилось—негдѣ встать!
Въ шахту всѣхъ пасъ швырнуло!
Не успѣлъ сказать и слово,
Ужъ кричать: «Слѣзай, готово!»
Но продольнямъ разошлись,
За работушку взялись.
Распроклята жизнь шахтера!
День и ночь мы работаемъ,
Ровно въ каторгѣ сидимъ,
День и ночь мы со свѣчами
Смерть таскаемъ за плечами!
Одинъ Богъ Небесный съ нами,
Никакой нужды не знаемъ!

А вотъ какъ живутъ шахтеры:

Нѣтъ, ребяташки, трудий,
Какъ работа шахтерей:
Шахтеръ рубить, шахтеръ бьеть,
Подъ землею ходъ вѣдетъ.
Онъ подходитъ ко стволу,
Въ гору голосъ подаетъ:
— «Вы, бадейные, не спи!
Воротные не дреми!
У насъ завтра день субботній,

Всѣ премилые друзья!»
Вдругъ бадейка всколыхнулась —
Въ шахту бѣдный полетѣлъ!

На получку всѣ пойдемъ.
Мы получимъ денегъ много
И въ кабакъ ихъ понесемъ!»

Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ
Изъ трактира въ кабачокъ.
Тамъ бутылки шевелятся
И стаканы говорятъ!
Идетъ шахтеръ въ кабачокъ,

*) Отъ С. З. Витьбина.

Береть водку, табачокъ.
Пьемъ мы водку, пьемъ мы ромъ,
Завтра-жь—по міру поидемъ!

Что шахтерска жизнь проклята,
Кто не вѣдаетъ про то?
Въ Божью церковь онъ не ходитъ,
Онъ не знаетъ про нее.
День и ночь онъ работаетъ,
Ровно въ каторгѣ всегда!

Придетъ праздникъ-воскресенье—
Ужь шахтеръ до свѣту пьянъ!
Въ кабачокъ бѣжить дѣтина—
Словно маковка цвѣтеть;
Съ кабака ползеть дѣтина—
Какъ лутошечка гола!
Ой, гола-гола-гола,
Въ чемъ мамаша родила!

Кабакъ—вотъ въ чемъ рабочій видитъ облегченіе своего тяжкаго труда. Никакихъ иныхъ перспективъ онъ и не подозрѣваетъ даже. Невѣдомая сила вытаскиваетъ его изъ дому и тащитъ его въ яму подъ землю, на сорокъ сажень глубины. Онъ съ испугомъ озирается кругомъ: «Прощай, солнце! Прощай, мѣсяцъ! Прощай, милые друзья!..» Не видно, чтобы онъ хоть на минуту допустилъ мысль о какомъ-нибудь измѣненіи въ своей участи. Онъ не знаетъ еще и силы той, которая «швыряетъ» его въ яму; но онъ твердо знаетъ свое положеніе, ясно видитъ, что кромѣ «кабака» нѣтъ никакого облегченія въ его жизни и не будетъ *).

---

*) Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, послѣ «горькихъ пѣсенъ рабочихъ», «рабочій вопросъ» широко разрабатывается въ законодательствѣ. Страхование жизни, вознагражденіе за увѣчья, уменьшеніе числа часовъ и запрещеніе ночной работы женщинамъ и подросткамъ—все это не соответствуетъ безнадежнымъ мыслямъ рабочихъ о невозможности облегченія.